

Занятие №28.

Проводы казака на службу в кубанской традиции.

Военная служба казака всегда рассматривалась как основа его жизненного уклада. Наличие в казачьей традиции двух «миров» военного и гражданского, взаимосвязанных и вместе с тем достаточно самостоятельных, и предопределило бытование ряда обрядов касающихся перехода казака из одного в другой. В первую очередь это проводы казака на службу.

Обряд перехода - проводы казака на службу, близок к русским рекрутским обрядам, однако в казачьей культуре он имеет ряд существенных отличий (в первую очередь - многократная повторяемость обряда в течении жизни казака). Эти же отличия характерны и для кубанской казачьей традиции.

За некоторое время до ухода на службу, молодой казак освобождался от ежедневной работы по хозяйству, а был занят подготовкой снаряжения. Отсутствие, негодность какого-либо элемента, при проверке новобранца станичным атаманом, за несколько дней до проводов, наказывалось словесным выговором казаку и его родителям (в первую очередь отцу), и все требования к снаряжению беспрекословно выполнялись в кратчайшие сроки. Кстати, в советское послевоенное время, информанты отмечали, что внешний вид новобранца был полной противоположностью по сравнению с досоветским периодом: латанная, старая, ношенная одежда и такая же обувь.

При упоминании проводов, информаторы нередко употребляли лексему «выряжать»: «Выряжать на службу» - то есть не только подготавливать «справу», но и провожать на службу казака – «Выряжали за ворота козака». Кстати, в украинском языке «выряжать» - обозначает «одевать».

Собранное снаряжение было довольно таки объемным, поэтому оно в походных сундуках нередко заранее отправлялось на подводах к пункту сбора того или иного отдела. Помимо подготовки материальной, обязательным, для новобранца считался пост – подготовка духовная, который заканчивался напутственным молебном.

Примерно за день до назначенной даты проводов, утром, казаки съезжались на своих лошадях в центр станицы к храму. Возле храма, проводился молебен, на котором присутствовало большинство жителей станицы, родители и родственники новобранцев, атаман и станичное правление. Молодые казаки покупали в храме «охресты»*, которые хранились в станичной церкви до их возвращения со службы.

Молебен проводился либо на площади, либо на территории храма. Для этого из храма выносили «святости» - хоругви, знамена, иконы. Священник, проведя молебен, причащал и окроплял молодых казаков. Уже во время молебна, «примечали», какая судьба ждет казака – если конь стоит, опустив голову во время церковной службы – казак домой не вернется[v]. После церковной службы станичный атаман, почетные старики, напутствовали новобранцев и желали скорого и благополучного возвращения: «Благодарылы атцов, матерей шо вырастылы сынов, проводылы на службу».

«Вечер»/ «обед»/ «праздник» / «гулянка»/ «проводы» - проводилась либо вечером этого дня, либо на следующий. Часто на проводы не приглашали, люди приходили сами. В других случаях

новобранец сам лично ходил по станице и приглашал станичников. С собой гости приносили подарки: мыло, рубашка, бритва, продукты. В качестве подарка могли выступать деньги: «Натэ серебро, шоб було вам добро в армии. А тоди ще грощи мидни, шоб ваша армия нэ була бидной». В некоторых станицах новобранец, если был неженат, вечером шел приглашать молодежь: «Он пашел, у нас тут называлась, вот сечас где ДК стаит, тада ево не было, а вот хадили туда-сюда вот так от, называли Брехаловка – площадь. Гуляли вся маладешь. И вот я гаварю: «Слава, многа будеть маладых девак?». Он грит: «А, нет». [...] И как пашел он, привел усю Брёшку». Молодые девушки и парни в доме казака пели, танцевали, играли, а затем все садились за стол. Уже за столом, крестная мать перевязывала его крест накрест рушником. Перевязывать полотенцами могли и так: «Перехвачивалы [полотенцами] одын раз крестный батько, одын раз – ридный». Девушки прикалывали булавками платочки/цветы к черкеске на груди казака, либо перевязывали ему руки/правую руку. При этом первый платочек/цветок повязывала/прикалывала невеста новобранца, и дарила ему вышитый кисет для табака. Замужние женщины, также могли повязывать, но не платочки, а полотенца: «Подруги девушки платочки цепляли, перевязывали руки, а дамочки и другие гости – рушники такие хорошие. Навяжут аш жарко»; «Выделяли ево – шоб все знали». На головной убор – папаху – прикалывали бумажный цветок или красную ленту. После угощения, молодежь расходилась, а за столом оставались взрослые.

Участие молодого казака во время прощального ужина, когда за столом оставались взрослые, строго регламентировалось. За столом, неженатый казак сидел в святом углу, между отцом и матерью. Провожающий должен был каждому поднести стакан водки и вина: «Угощаемые мною гости высказывали мне свои добрые пожелания – благополучной дороги, успешной службы и счастливого возвращения. Дяди давали мне более или менее пространные наставления, стараясь предостеречь меня от возможных ошибок и опасностей. У каждого из них был большой жизненный опыт, и они теперь старались передать мне крупницы этого своего добра». Нередко гости просиживали за столом всю ночь, предаваясь воспоминаниям о былых временах и военных победах. Беседы прерывались песнями. Можно отметить, что песенный репертуар также был довольно определенным в сюжетном отношении. Большая часть текстов, сюжетно была связана с тяготами казачьей службы, разлукой с семьей, военными темами. Многие из этих песен были сугубо мужскими. Тем не менее, на Кубани выделилась группа песен, приуроченных именно к проводам. Наиболее широко распространенные, которые встречаются и на территориях других казачьих войск, это: «Последний нонешний денёчек», «Конь боевой с походным вьюком», «Прощай любезная станица», «Провожала маты сына у солдаты», «За лесом сонце воссияло», «Вышел пастух ва лужок», «Як сидив кочет на воротах», «Ой там пры далыни там жила вдова», «Прощай станыця, горад Кавказ» и др.

Утром гости вновь сходились ко двору казака. Все садились за стол и завтракали. Выйдя из-за стола, выходили во двор, где родители благословляли сына на добрую службу. Мать держала в руках хлеб с солью, отец икону (во время благословения они трижды ими менялись). Молодой казак стоял перед ними на коленях на шубе вывернутой мехом вверх: «шоб не голо служить ему было». Родители, благословляя сына на добрую службу, желали ему благополучного возвращения. Казак поднимался с колен, целовал икону, хлеб и руки родителей. Мать одевала сыну крестик: «Вешалы крест, и даже вроде эдат крест заговарывалы ат пули», или медальон (чаще всего с изображением Николая Угодника или Георгия Победоносца) и трижды говорила: «Господи благослови. О цэ тоби иди в пути, Господь впэрэди, Матирь Божа с ними, а ты за ними», - а отец давал наказ: «Служить чесно, дабрасовесно, выполнять, вси приказы камандира... и свово, лошадь, свово друга верног жалей, ухаживай, - наказ давал, - это тебе будет щасте», и

вручал узелок с родной землей. Остальные провожающие в это время могли исполнять молитвы «Отче Наш», «Верую», пели «Многая лета».

В некоторых станицах, уже после благословения, казак возвращался в дом за умышленно оставленной вещью. Хотя в обычной жизни, возвращение рассматривается как неблагоприятное для будущих дел явление, то в данном случае считалось, что это поспособствует его возвращению со службы. При этом, выходил новобранец из дома спиной вперед - поочередно закрывая двери из комнат в «колидор», из «колидора» во двор. Дом новобранец должен был сам закрыть на замок, а ключ отдать родителям.

Важным этапом считался выход со двора. Казак должен был выйти только через ворота, при этом некоторые информаторы отмечают, что на воротах простилали рушник. Первым выходил казак, затем в последовательности: родители, жена ведя коня, гости. Неженатому казаку коня могли выводить и невестка, сестра, младший брат, или мать: «Мать выводит через платочек за уздечку выводит коня: «Я тебя провожаю и што б я тибя на коню обратно встрела»; «А оце сэстры нэ було, так коня выводила нэвистка». В момент, когда выводили коня, следили за его поведением: «Примечалы, кинь споткнувся, щастя нэ будэ»; если конь заржет, то его хозяин со службы не вернется.

На улице казак кланялся на четыре стороны. Женатый казак садился на коня и сидя в седле, одевал жене черную шаль – «печальник». Этот головной убор женщина носила в праздничные дни на протяжении всего периода службы мужа: «Шаль, если сын погиб, уже запрещали носить невестке». К площади, где собирались все казаки, неженатого новобранца девушки вели под руки. Женатый же сидел на коне, которого вела жена до места сбора.

На площади собирались новобранцы и провожающие. Здесь могли вновь провести молебен. Отсюда, кто пешком, кто сидя на подводах или верхом на конях станичники направлялись к тому месту, которое исторически в станице было связано с проходами казаков на службу.

На этом месте/границе вновь повторялась процедура прощания. Уезжающие на службу и провожающие их, выпивали по чарке «за каждое из трех желаемых событий: за благополучную дорогу, за успешную службу и за счастливое возвращение».

В качестве оберега, могли использовать землю, которую казак должен был взять на границе станичного юрта - «обжитого», «человеческого», «своего» с «чужим», «неосвоенным» пространством, а затем засыпать ее себе за воротник: «родная земля сохранит тебя от гибели и приведет живым туда, откуда она взята». Другими оберегами считались гадючья кожа зашитая в казачий пояс, различные молитвы зашитые в одежду, папаху.

В советский период многие элементы обряда проводов на службу сохранялись и сохраняются сегодня (например, повязывание/прикалывание платочков, благословение родителей, обед, одевание крестика и др.). Объяснением тому могут служить слова информантов: «С салдатом всему веришь, хоть бы отслужил. Паэтому делали все»